

Лия
МАЛИНИНА

БЫВШИЕ

ЛЮБИМЫЙ ДОКТОР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАЙОРА

Зверева

18+

Лия Малинина

БЫВШИЕ. Любимый

доктор майора Зверева

<https://litres.ru/74310722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я сидела на жестком табурете, в наручниках наруках, с заплаканными глазами и чувствовала, как у меня трясутся колени.

Ко мне приближался тот, кто бросил меня у дверей ЗАГСа, опозорив на весь город и сделав посмешищем.

Он подошел, и я ощутила его запах, который так и не смогла забыть за пять лет.

Запах табака, кожи и мужского парфюма. Он наклонился ко мне, и я замерла, боясь дышать.

— Ты зачем сюда приехала? — спросил он тихо, расстегивая металлические браслеты.

Замки щелкнули, наручники упали на пол и я тут же отдернула руки, чувствуя, как затекшие запястья наполняются покалывающей болью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лия Малинина

Бывшие. Любимый

доктор майора Зверева

Глава 1

Александра

Поезд сбавил ход. Я сидела у окна купе, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и смотрела, как за окном проплывают знакомые до боли силуэты родного города.

Серые пятиэтажки с облупившимися фасадами, тополя, которые за пять лет, казалось, вымахали до самого неба, и знакомая водонапорная башня на въезде в город. Ржавая, старая, но такая родная.

Мой город. Я не видела его пять лет. Пять долгих, бесконечных, изматывающих лет, за которые я успела стать первоклассным хирургом, провести сотни операций и множество бессонных ночей.

Но так и не смогла забыть его. И не смогла забыть ту боль, что он оставил в моей душе.

Когда поезд нырнул в тень перрона, я невольно зажмурилась. Воспоминания нахлынули ледяной волной, смывая с

меня флер столичного доктора и оставляя растерянную, беззащитную девчонку.

Я будто снова увидела себя, в белом свадебном платье, стоящую у дверей загса. В руках аккуратный небольшой букет, который дрожал от волнения, а в груди билось сердце, готовое выпрыгнуть от счастья.

Но не случилось его, этого счастья. Вместо обещания быть вместе в болезни и здравии, я получила лишь короткое смс: *“Я не приду. Прости”*. Вот так просто, будто отменил вечеринку у друзей.

Я тогда думала, что не выведу всего этого: разбитого сердца, крушения надежд, сочувствующих взглядов друзей и злобных усмешек “заклятых подруг”, которые считали, что он слишком хорош для меня.

Но я выжила. Прошло пять лет, я стала хирургом в столичной клинике, у меня была своя квартира, пациенты, свой ритм жизни.

Все эти годы я почти не вспоминала о нем.

Почти.

Просто запретила себе мысли и воспоминания о нем, об этом городе и всем, что было связано с моей любовью.

И вот я вернулась.

Вернулась не ради него, а ради мамы. Недавно у нее случился инфаркт, и я бросила все — престижную клинику, квартиру, налаженный быт и сорвалась сюда, взяв билет на ближайший поезд.

Я должна была быть рядом, я просто не имела права оставить ее одну. Она всю жизнь работала на двух работах, чтобы у меня было все, чтобы я могла стать тем, кем стала. И когда ей стало плохо, я не могла сидеть в Москве и просто ждать новостей.

Тряхнула головой, прогоняя тяжелый морок воспоминаний, схватилась за ручку чемодана и вышла из вагона на перрон.

Я сделала шаг, другой и остановилась, жадно вдохнув воздух полной грудью. Пахло пылью, бензином и почему-то сиренью — так пахнет только мой город. Грязный, старый, вечно стонущий от пробок, но самый родной на свете.

— Мама, я еду к тебе, — прошептала я, сжимая в кармане ключи от ее старой квартиры, которые все эти годы хранились у меня. Я почти чувствовала ее тепло, почти слышала ее голос: *«Сашенька, ты приехала...»*

Чемодан вырвался из моей руки, я перехватила его удобнее и сделала первый шаг в сторону вокзального выхода.

Вокзал был старым, но я любила его — с его высокой аркой, с огромным куполом, где вечно ворковали голуби, с запахом пирожков и советским буфетом.

Я шла, глядя под ноги, на потертый асфальт перрона, и прикидывала, что мне нужно сделать в первую очередь. Я почти дошла до стоянки такси, когда на меня налетели сразу несколько человек.

— Стоять! — резкий окрик ударил по ушам, и прежде чем

я успела обернуться, чьи-то жесткие руки схватили меня за локти и грубо вывернули назад.

Мой чемодан с грохотом упал на асфальт, ручка выскользнула из пальцев, и я почувствовала, как меня дергают в сторону.

— Вы что творите?! — закричала я, но мне уже заломили руки за спину, и на запястьях холодно щелкнули наручники.

— Пакуй ее, — бросил один из полицейских другому, коротко стриженному парню с хмурым лицом и уставшими глазами.

Тот даже не посмотрел мне в глаза, а просто схватил меня за локоть и поволок к машине, стоящей прямо у перрона.

«УАЗ», старый, грязный, с мигалкой на крыше. Вокруг начали собираться люди, прохожие останавливались и смотрели на нас, как на представление в цирке.

На мне была дорогая одежда, а на руках наручники. Я чувствовала себя униженной, мне хотелось провалиться сквозь землю. Внутри у меня закипала злость, смешанная с паникой.

— У меня больная мать! Мне нужно к ней! — кричала я, пока меня толкали в машину.

— Мама подождет, — бросил второй полицейский, более старший, и захлопнул за мной дверцу. — Если не виновата — выйдешь через пару часов. А если виновата — посидишь подольше.

Меня втолкнули на заднее сиденье, и я стукнулась коле-

ном о жесткий пластик. Чемодан запихнули следом в багажник, по бокам от меня сели люди в форме и машина тронулась.

Я кричала, требовала объяснений, но в ответ только тишина и мерзкие ухмылки моих конвоиров.

Через несколько минут машина остановилась. Меня вывели, опять схватив за руки, и повели в здание.

Я узнала его — это был центральный отдел полиции. Окна зарешечены, фасад облупился, на двери красовалась вывеска с гербом и надписью «Отдел полиции 1».

Меня провели по коридору, мимо кабинетов и людей в форме, которые провожали нас любопытными взглядами.

Мы вошли в душный, прокуренный кабинет. За столом сидел хмурый мужик в штатском и пил чай из граненого стакана.

На давно немытых окнах болтались сломанные жалюзи, на стене висел портрет президента, в углу стоял сейф, а вокруг беспорядок из бумаг, папок и какого-то хлама.

Меня силой усадили на жесткий табурет, так и не сняв наручники, которые больно впивались в кожу.

Лейтенант, что скрутил меня на вокзале, кинул мой чемодан на стол, открыл его и начал бесцеремонно осматривать его содержимое.

Мои платья, туфли, косметичка, тонометр, стетоскоп, папка с медицинскими документами, блокнот с записями — все полетело в стороны.

Я смотрела на свои вещи, разбросанные по грязному столу, и чувствовала, как внутри меня закипает ярость.

Это были мои вещи.

Моя жизнь.

И они лежали перед каким-то незнакомым говнюком, который рылся в них своими грязными руками.

— Что вы делаете?! — я дернулась вперед, — Это личные вещи! У вас есть ордер?! Вы хоть знаете, кто я?!

— Знаем, — лейтенант лениво перебирал мои вещи, отбрасывая в сторону носки и трусы, не стесняясь смотреть на них. — Аферистка. Втираешься в доверие к пенсионерам, а потом обчищаешь их до нитки. По ориентировке внешность подходит. Блондинка, глаза голубые, рост примерно сто семьдесят.

— Какая к черту аферистка?! — заорала я, чувствуя, как слезы от бессилия и ярости обжигают глаза. — Я врач! Только что приехала к больной матери! Позвоните в больницу, вам подтвердят! Позвоните в клинику в Москве, где я работала!

— Мама у тебя, — лейтенант хмыкнул, не оборачиваясь, и бросил мой стетоскоп обратно в кучу вещей. — Маму все любят. А ты воровка. И мы сейчас докажем это, когда проведем экспертизу твоих вещей.

— Да что вы несете?! Мне нужно к матери! Она может не дожить до завтра, если я не приеду! — я уже кричала во весь голос, но лейтенант будто не слышал меня.

— Проверим, — спокойно сказал он. — А пока сиди, не рыпайся. Отпечатки пальцев снимем, по базе пробьем. Если ошибка — извинимся и отпустим. Если нет — пойдешь в камеру.

Меня трясло, я не понимала, что происходит. Сидела, скованная наручниками, как какая-то преступница, и смотрела, как мое белье и документы валяются на грязном столе.

Я чувствовала себя голой, уязвимой и униженной.

— Я имею право на звонок! — выкрикнула я.

— Позже, — лейтенант зевнул, взял мою косметичку и бесцеремонно вытряхнул из нее все содержимое.

И тут дверь в кабинет резко, с треском, распахнулась так, что ручка ударилась о стену, и по кабинету пронесся сквозняк.

На пороге стоял огромный мужик в наплечной кобуре.

Черный кожаный ремень, табельное оружие под мышкой, расстегнутый воротник серой рубашки, из-под которой виднелась мощная шея и крепкая грудь. Лицо суровое, заросшее щетиной, глаза стальные, серые, как грозовое небо.

От него исходила такая бешеная энергия, такая сила, что воздух в кабинете, казалось, стал тяжелее. А я... Я сразу же узнала его.

Матвей Зверев.

Мой бывший жених.

Человек, который разбил мою жизнь, оставил меня у алтаря и обрек на годы одиночества и боли.

Он шагнул в кабинет, и пол под ним дрогнул. Лейтенант, который только что лениво рылся в моих вещах, побледнел и вытянулся по стойке смирно, как солдат перед генералом.

Его руки задрожали, и он едва не уронил мою косметичку обратно в чемодан. На лице, которое минуту назад демонстрировало ленивое презрение, был написан чистый ужас.

Матвей обвел взглядом разгромленный чемодан, разбросанные трусы и платья, документы, стетоскоп, который свисал со стола, готовый вот-вот упасть на грязный пол.

Затем перевел взгляд на меня. Я сидела бледная, с мокрыми от слез глазами и прерывисто дышала, как загнанный заяц.

Он смотрел на меня пять секунд.

Десять.

Пятнадцать.

За это время его лицо не дрогнуло ни разу. Только глаза сначала расширились, будто он увидел призрака, а потом стали холодными, стеклянными, ничего не выражающими.

А затем его голос ударил по стенам, как гром, как выстрел из табельного оружия.

Голос, от которого у меня пять лет назад подкашивались колени, голос, который я ненавидела и любила одновременно:

— Какого хрена здесь происходит?!

Глава 2

Александра

Зверев перевел тяжелый взгляд на лейтенанта. Тот стоял перед ним побледневший и вытянувшийся в струну.

— Я тебя спрашиваю, — Матвей шагнул вперед, и пол под его ботинками жалобно скрипнул. — Кого вы задержали?

Лейтенант сглотнул, на лбу у него выступила испарина, и он зачем-то вытер ее рукавом, отчего на его форменной рубашке появилось некрасивое влажное пятно.

— Ну, так это... — лейтенант мямлил, запинаясь на каждом слове, и я видела, как он мысленно проклинаят тот час, когда решил наброситься на меня на перроне. — Бабу из ориентировки, товарищ майор.

— Бабу из ориентировки, — передразнил его Матвей, и голос его стал тише, но от этого еще страшнее. Он наклонился к лейтенанту, и тот инстинктивно отшатнулся назад. — Бабу из ориентировки мои взяли два часа назад, — медленно, чеканя каждое слово, произнес Матвей. — А вам, — он указал пальцем на лейтенанта и его напарника, который сжался у двери, — дорога в патрульные. Бомжей шугать на теплотрассе, а не людей на вокзалах хватать по картинкам.

Лейтенант побелел как полотно, а его напарник, тот, что вел меня от машины, выглядел так, будто сейчас упадет в обморок.

— Вышли все отсюда, — рывкнул так, что дрогнули стены и махнул рукой в сторону двери.

Лейтенант и его коллега, словно подброшенные пружиной рванули к выходу.

Они спотыкались друг о друга, мешая пройти, и я видела, как лейтенант чуть не врезался в дверной косяк. Они уже почти выбежали в коридор, когда голос Матвея ударил им в спину:

— Стоять!

Они замерли.

Оба.

Как два нашкодивших школьника, которых поймали с сигаретой в гаражах.

— Ключи от браслетов дай, — холодно произнес Матвей, протянув руку к лейтенанту.

Лейтенант, трясущимися пальцами, выудил из кармана маленькие металлические ключики и вложил их в ладонь Матвея. Его рука дрожала так сильно, что ключи едва не упали на пол.

— Проваливайте, — коротко бросил Матвей.

Лейтенант и его напарник вылетели из кабинета, будто за ними гнались черти. Дверь за ними захлопнулась, и я осталась наедине с ним. С тем, кого я ненавидела и презирала все эти годы.

Матвей стоял ко мне спиной, перебирая ключи в руке. Потом медленно повернулся и подошел ко мне.

Я сидела на жестком табурете, и чувствовала, как у меня трясутся колени.

Он приблизился, и я ощутила его запах, который так и не смогла забыть пять лет.

Запах табака, кожи и мужского парфюма. Он наклонился ко мне, и я замерла, боясь дышать.

— Ты зачем сюда приехала? — спросил он тихо, расстегивая металлические браслеты.

Замки щелкнули, наручники упали на пол и я тут же отдернула руки, чувствуя, как затекшие запястья наполняются покалывающей болью.

— Не твое дело, — огрызнулась я, растирая запястья.

Голос мой дрожал, но я изо всех сил старалась держать лицо. Я встала с табурета, ноги меня не слушались, но я пересилила себя и подошла к столу, на котором были раскиданы мои вещи.

Я молча начала собирать их. Платья, туфли, косметичку, тонометр, стетоскоп — я сгребала все кучей и швыряла обратно в чемодан.

У меня дрожали руки, и я чувствовала, как к глазам подступают слезы. Но я не могла, не имела права плакать при нем.

Никогда.

— Я отвезу тебя домой, — сказал Матвей.

Он стоял передо мной, сложив руки на груди, и молча наблюдал за тем, как я собираю свои вещи.

— Не утруждайся, без тебя обойдусь — буркнула я, не поднимая головы.

Резким движением захлопнула чемодан и защелкнула замки. Мне хотелось просто выбежать отсюда, уйти, забыть, что я вообще его видела. Но судьба, как всегда, решила за меня по-своему.

— Это не предложение, — рявкнул Матвей.

Я не успела даже возразить, как он подошел, отодвинул меня плечом в сторону, схватил мой чемодан и вышел из кабинета.

Я застыла на месте, глядя на открытую дверь, и чувствовала, как внутри меня закипает ярость.

— Да пошел ты! — прошептала я, но он меня, конечно, не слышал.

Я вышла из кабинета и увидела, что Матвей стоит в коридоре с лейтенантом. Незадачливый служитель закона держал в руках мой паспорт и смотрел на меня с таким видом, будто я сейчас превращусь в монстра и откушу ему голову.

— Простите, Александра Петровна, — пробормотал лейтенант, протягивая мне паспорт. Голос его дрожал, и он не смотрел мне в глаза. — Ошибочка вышла. Ну, мы же не знали, что вы не та...

— Утром рапорт на стол, с объяснениями вашего фееричного прокола, — холодно проговорил Матвей, и лейтенант вздрогнул, как от удара.

— Так точно, товарищ майор, — лейтенант вытянулся и,

развернувшись, почти бегом скрылся в коридоре.

Матвей легко, почти невесомо, взял меня за локоть и повел к выходу из отделения. Его пальцы были горячими, и я чувствовала их тепло даже через рукав своей ветровки.

— Не трогай меня, — прошипела я, выдернула руку и тут же сделала шаг в сторону, быстро проходя вперед и стараясь не смотреть на него.

Он молчал, но я затылком чувствовала его тяжелый взгляд. Он будто прожигал меня насквозь.

Мы вышли из здания, и я судорожно вдохнула воздух. Теперь он казался мне не таким сладким, как на вокзале. Он пах дымом, сыростью и чем-то горьким. Родной город, который я так любила, теперь душил меня.

У входа в отделение стояла огромная черная машина, к которой он тут же подошел, и открыл мне переднюю пассажирскую дверь.

Я же демонстративно проигнорировала его, и села назад, подальше от него, и сразу же отвернулась к окну.

Он закинул чемодан в багажник, сел за руль, и мы тронулись. Я смотрела на проплывающие за окном улицы, по которым я ходила когда-то, держа его за руку.

Магазины, кафе, парк, где мы целовались под дождем. Все это было здесь, все это осталось в моей памяти, как выжженное на теле клеймо, и это было пыткой. Я чувствовала его взгляд в зеркале заднего вида, но делала вид, что не замечаю.

Смотрела в окно и думала лишь о том, как поскорее ока-

заться дома и больше никогда не пересекаться с ним. Наконец мы въехали во двор и машина остановилась у моего подъезда.

Моя мама жила здесь всю свою жизнь. И я когда-то жила здесь, думая, что это самое лучшее место на свете.

Я вышла из машины, Матвей достал из багажника мой чемодан, поставил его на асфальт и посмотрел на меня.

Я подошла и протянула руку, но он не отпустил его. Он держал ручку крепко, и смотрел на меня так, что у меня начало щипать нос от подступающих слез.

— Саш, — тихо проговорил он. — Я должен сказать, что...

— Время разговоров прошло, — выплюнула я.

Голос мой сорвался на хрип, и я, впервые с момента нашей встречи, посмотрела на него в упор. Я видела, как в его стальных глазах появилась какая-то тень, но я не дала себе времени подумать.

Резко выхватила чемодан из его рук и сделала шаг к подъезду.

— Прощай, — бросила я, не оборачиваясь.

Каждый шаг давался мне с трудом. Я чувствовала, как он смотрит на меня. Я чувствовала его взгляд на своем затылке, на плечах, на спине. Я дошла до двери, открыла ее и шагнула внутрь.

Старая металлическая дверь гулко за мной захлопнулась. Я стояла в темном подъезде, сжимая ручку своего чемо-

дана, и чувствовала, как слезы, которые я сдерживала все это время, наконец-то прорвались наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.